

УДК: 7.035(4-191)3

ББК: 85.113(2)

DOI: 10.18688/aa2111-07-59

О. В. Баева, А. Ю. Казарян

Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в сложении «армянского» стиля во второй половине XIX века¹

Введение

Изучение процесса познания армянской и грузинской средневековой архитектуры в XIX в. является актуальным не только с точки зрения проблематики самой историографии. Немаловажное значение имеет оно для понимания настроения интеллектуальной элиты и творческих идей того времени, — эпохи проявления широкого интереса к этой архитектуре и сложения традиции её изучения. В статье рассмотрен вопрос о том, насколько было связано развитие данного научного направления с одновременным архитектурным творчеством, воспевающим формы средневековых храмов Армении и Грузии. Эта проблематика была затронута ранее в исследованиях А. Ю. Казаряна [4] и обзорно обсуждалась в докладе и статье И. Е. Печёнкина [14; 15], где приведены примеры русских церквей в «армяно-византийском» стиле, в основном строившихся в южных имениях, и некоторых конкурсных проектов на постройку армянской церкви в Баку.

Мы расширили круг заслуживающих внимания памятников, обратив большее внимание на памятники второй половины XI в. на юге европейской части Российской империи, в которых кавказские черты проявлены в наибольшей мере и в первую очередь. Речь пойдет исключительно о церквях, поскольку почти только на их архитектуре на протяжении более полувека зодчие пытались разработать этот новый стиль. Современники, в частности, на страницах журнала «Зодчий», его называли по-разному: армянским, армяно-византийским, армяно-грузинским. Условность любого из них, как и условность названия византийского стиля, очевидна. Понимая, что в формах и декоре кроме армянских присутствуют грузинские мотивы, в меньшей мере византийские и романские, мы намерены именовать его «армянским» стилем, учитывая два существенных и не формальных обстоятельства: 1) в этом стиле несколько десятилетий строились исключительно русские и армянские церкви; 2) участниками процесса кристаллизации направления кроме русских заказчиков и архитекторов были именно армяне, преимущественно представители российских центров диаспоры. Значение при выборе названия имеет и факт выполнения задания на проектирование каменной церкви сту-

¹ Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2021 год, тема № 1.1.1.1.

дентами Института гражданских инженеров (далее — ИГИ) с выбором стиля: русского, византийского и армянского.

Среди задач исследования присутствует выявление направлений развития «армянского» стиля и приближение к пониманию социокультурного аспекта явления. Мы постарались также раскрыть секрет рождения этого стиля в эпоху историзма именно в России, а не в ведущих странах Западной Европы, где интерес к древностям Закавказья возник раньше.

О характере начального изучения средневековых храмов Армении и Грузии

Начальная историография многократно анализировалась. Отмечался повышенный интерес к церковной архитектуре в среде русских археологов во второй половине XIX в., их усилия по накоплению графического материала: рисунков, обмеров и реконструкций, оценивались их историко-теоретические воззрения [5, с. 40–44; 15; 17; 22]. Предшествовавший период, охватывающий вторую четверть XIX в., ознаменовался фундаментальными публикациями западных учёных о древней архитектуре региона, упорядоченно представленными в статье К. Маранчи [24].

Начало изучению было заложено Фредериком Дюбуа де Монпере, совершившим поездку на Кавказ в 1831–1834 гг. и издавшим по её итогам шеститомный труд². Его богатый графическими материалами атлас содержит и реконструкции памятников, в числе которых довольно точное представление ранних форм северного фасада Эчмиадзинского собора. Последовавшее затем путешествие Шарля Тексье увенчалось публикацией двухтомника с портфолио графики. Он впервые заметил переключку форм Анийского собора с готическими храмами Западной Европы и сравнил аркатуру на его фасадах с подобными формами в средневековой архитектуре Италии³. Заслуживает внимания реконструкция южного фасада собора в Ани, к варианту которой вернулись современные учёные [8].

В России интерес к древностям армян и грузин был заимствован от европейцев, и успех отчасти был предопределён наличием в составе империи грузинских и армянских земель. Расширение империи за счёт вошедшей в неё в 1802 г. Восточной Грузии и отвоёванных в 1828 и в 1878 гг. у Персии и Турции армянских областей открывало возможности историко-археологических исследований древностей Востока.

Русское общество второй половины XIX в., со своими византийскими интеллектуальными устремлениями, и интересы российского империализма на Востоке⁴, способствовали масштабному изучению раннехристианских древностей не только в центре бывшей Византийской империи, — Русский археологический институт в Константинополе был открыт в 1894 г. и просуществовал до 1914 г., — но и на втором важнейшем

² *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...* Paris, 1839–1843.

³ *Texier F. M. Ch. Description de l'Arménie et de la Perse, de la Mésopotamie.* Paris, 1842. Vol. I. P. 112.

⁴ Признавая несомненность политического фактора, следует согласиться с Л. Г. Хрушковой о политизированности в работах И. Фолетти при оценке наследия русских византистов [17, с. 90–92]. Основные его мысли развиты в статье о начальном периоде изучения грузинской архитектуры [22].

пути, связывавшем русские земли со Святой землёй. Это путь через Кавказ, Армянское нагорье и Месопотамию.

Путешествие выпускника Императорской Академии художеств П. П. Норева в 1846 г. в связи с необходимостью реставрации собора в Пицунде и последовавшее составление сборника чертежей обследованных им памятников зодчества считается одним из первых российских начинаний в этом деле [15].

Судьбоносным для русского востоковедения оказался переезд французского ученого Мари И. Броссе, который «...нашёл в переживаемом тогда Россией настроении прекрасное средство для осуществления своих чисто научных стремлений...»⁵. Среди трудов учёного в контексте нашего исследования важно двухтомное издание «Руины Ани» 1860–1861 гг.⁶ Можно добавить, что и развернувшаяся в начале XX в. археологическая программа Н. Я. Марра была немыслима без общественного настроения и государственной поддержки. Возглавляемая им Анильская экспедиция Императорской археологической комиссии 1892–1893 и 1904–1917 гг. воспользовалась возможностью планомерной работы на российских территориях Восточной Армении, чего были лишены западные коллеги [7].

Изучение архитектурного наследия региона на основе накопления материала инициировалось русскими политиками и учёными, художниками и архитекторами, организовывалось в рамках деятельности Императорской Академии художеств (ИАХ), Императорского Московского археологического общества (ИМАО) и Императорской археологической комиссии. Организация в 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе и пожалование императором Александром III в 1886 г. денежной субсидии на исследование древностей Кавказа ИМАО способствовали включению региона в приоритетные направления археологической науки [17, с. 69–70; 15].

Художник, архитектор и исследователь искусства князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810–1893), являвшийся с 1859 г. вице-президентом ИАХ, одним из первых начал обмерять и зарисовывать грузинские, а также армянские церкви⁷. Титульный лист его альбома «Живописный Кавказ...», на котором представлен декор монастыря Гегард в Армении, выглядит аналитической таблицей. Центральное её поле занимает портал притвора, а в широком обрамлении присутствуют разные орнаменты и сцена с быком и львом с южного фасада главной церкви. Гагарин вывел фиксацию материала на новый уровень, более приближенный к нуждам архитектурного проектирования. Именно Гагарин предложил заменить лауреату золотой медали Академии художеств Давиду Ивановичу Гримму европейскую поездку на экспедицию на Кавказ. Через год за результат работы — обмерные чертежи 29 церквей и более 100 орнаментов — Grimm был удостоен звания академика архитектуры [12, с. 68]. На этой основе им в 1859–1863 гг. были подготовлены альбомы под первоначальным названием «Памятники византийской архи-

⁵ *Марр Н. Я.* К столетию дня рождения М. И. Броссе // Записки Восточного отделения императорского русского археологического общества. Т. XIV. Вып. 4. СПб., 1902. С. 77.

⁶ *Brosset M.-F.* Les ruines d'Ani. St. Pétersbourg, 1860–1861.

⁷ *Gagarin Gr. Gr., Stackelberg E.* Le Caucase pittoresque dessine d'après nature par le Prince Gr. Gagarin avec une introduction et un texte explicatif par le Comte Ernest Stackelberg dédié à la Majesté Imperiale Nicolas I-er Empereur de toutes les Russies. Paris, Plon freres, 1847.

тектуры в Грузии и Армении»⁸. Затем последовали издания «Материалов по археологии Кавказа», собранные экспедициями Московского археологического общества (1888–1916).

Существовавшая в архитектуроведении установка на фиксацию исторического прошлого для того, чтобы на его основе строить в будущем, как и закономерное развитие научного познания, привели в XIX в. к значительному накоплению фактов. М.П.Погодин призывал средневековое искусство «собирать по крошкам..., хорошо познакомиться с ними, обогатиться... формами и частями». Г.Д.Филимонов писал, что изучать средневековое зодчество надо «именно с современной потребностью воссоздания древних форм... усваивать и передавать новым сооружениям церковного зодчества древний характер» [11, с. 243–244]. Примечательно, что поездки 1890-х гг. и начала XX в. преподавателей ИГИ Н.В.Султанова, В.А.Косякова, отчасти М.В.Красовского в Константинополь, погружение ими в историю архитектуры преследовали практические задачи проектирования в русском и «византийском» стилях [13, с. 18–23].

Освоение наследия средневековой архитектуры Армении и Грузии мыслилось столь же необходимым, как изучение древнерусского и византийского зодчества, особенно с распространением «армянского» стиля в последней четверти XIX в. Сам метод архитектурного творчества требовал современных научных исследований и их публикаций [15]. Но добываемого материала, по мнению и учёных, и архитекторов, крайне не хватало.

Интерес к зодчеству Армении и Грузии в среде русских архитекторов определялся устойчивым представлением о том, что оно является частью византийского, о чём в полной мере свидетельствует название труда Гримма и оценки учёных и архитекторов⁹. При этом своеобразие региональной традиции осознавалось. Вот как видел его Д.И.Гримм: «Хотя церкви в Грузии и Армении имеют много общего с византийскими, но они сохраняют и свой отличительный характер местности, выражающийся... возвышением конических куполов, одетых плитами, формой дверей и окон, стилем (своеобразной) профилевки и орнаментации вообще...»¹⁰.

В журнале «Зодчий» была опубликована весьма показательная с этой точки зрения статья. Её автор, отмечая «богатство памятников византийского стиля в Грузии и Армении», предлагает его «называть армянским или грузинским». Он выделяет два направления византийского стиля — греко-византийский и армяно-византийский. Подчеркивая при этом, что трудно сказать, какой из них «симпатичней. Армянский тип во всяком случае отличается более строгим и серьёзным характером», и призывает развивать это второе направление, в частности, в процессе обучения гражданских инженеров¹¹. И здесь, таким образом, мы сталкиваемся с доказательством практического применения знаний, почерпнутых из этой древней архитектуры.

⁸ Grimm D. Monuments d'architecture Byzantine en Géorgie et en Arménie. S.Petersbourg, 1864. 9 p., 48 f. ill.

⁹ Церковная архитектура (Из путевых заметок В.П.Куроедова) // Зодчий, 1879, № 4, с. 57.

¹⁰ Гримм Д.И. Памятники христианской архитектуры Грузии и Армении. СПб., 1866. С. 4.

¹¹ Византийское искусство // Зодчий, 1883, № 1, с. 39–41.

В развитие изучения истории армянской и грузинской архитектуры в России определенный импульс внесли рассуждения Эжена Виолле-ле-Дюка, труд которого о русском искусстве вызвал многочисленные дискуссии. Среди прочего учёный поставил вопрос о возможном влиянии форм закавказских храмов на становление русской церковной архитектуры¹². Один из ответов был дан Н. В. Султановым, доказывавшим необоснованность отнесения русских шатровых церквей к кавказским истокам¹³.

Любопытно и то, насколько широко могло трактоваться понятие византийского искусства: «...слово “византийский” широко применялось ко всем средневековым памятникам, кроме готических, а сам Дюбуа открыто смешивал романское с византийским», — критически отметил Н. П. Кондаков¹⁴, показав вместе с тем отличия особенностей грузинских, отчасти и армянских храмов от собственно византийских¹⁵. Но для нас принципиально важна не суть научной проблемы, а представления о ней в ту эпоху. С ними нельзя не считаться при анализе произведений в «византийском» стиле эпохи историзма, со всей очевидностью вобравших в себя генетически не только родственные, но и разные мотивы. Важна и дискутировавшаяся в среде историков архитектуры родственность между нераздельной для их понимания армяно-грузинской традицией, с одной стороны, и русской, с другой.

Развитие «армянского» стиля: опыт строительства русских храмов второй половины XIX в.

Ещё меньше изучена сама практика строительства церквей в «армянском» стиле. Критическое осмысление осложнено невыевленностью круга памятников, отсутствием четких представлений о хронологии и периодизации.

Расширение территорий Российского государства и заселение земель иностранными колонистами привели к усложнению этноконфессиональной структуры общества в XIX в. Инославные и иноверцы — по терминологии того времени — были вовлечены в общие для всего населения империи процессы, которые в том числе определяли и изменения в архитектуре, прежде всего в культовой: от доминирования образцовых проектов и классицизма к поиску национальных стилей.

Существенную трансформацию в связи с этим, а также с новыми модными европейскими веяниями, переживала российская творческая элита. Параллельно с утверждением европейских национальных стилей протекали не менее значимые процессы творческого осмысления архитектуры неевропейских народов.

Ориентализм в России имел несколько иной, отличный от европейского, оттенок. История страны была так тесно связана с Востоком, что зачастую сложно определить пространственно-временную границу, отделяющую «дух азиатский» от цивилизации Запада. Русская культура веками формировалась на пространстве взаимодействия цивилизаций, что разнообразно отражалось на образах произведений архитектуры. Сош-

¹² Виолле-ле-Дюк Э. Э. Русское искусство, 1879.

¹³ Султанов Н. В. «Русские шатровые церкви и их соотношение к грузинско-армянским пирамидальным покрытиям // Зодчий, 1887, с. 66–71.

¹⁴ Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии. М.: Синодальная типография, 1876. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 40 и др.

лёмся на слова Н. В. Султанова, которые дают ключ к понимаю поднятой нами проблемы: «Московское государство всё более... подчиняется влиянию Востока, что неизбежно отражается на его зодчестве. С помощью технических познаний западных зодчих и тех восточных и византийских элементов, которые были... под руками, а также своих собственных, Московская Русь создаёт ту своеобразную и причудливую архитектуру, которая известна под названием “Московской”»¹⁶. В таком контексте, как представляется, особо значимым оказывалось средневековое искусство Армении и Грузии, которое, несмотря на единые с европейскими народами христианские основы, являлось частью Востока — христианского Востока. Своеобразие восприятия этого искусства, предполагавшего исследования в рамках востоковедения, в отличие от отношения к культурам большинства азиатских народов допускало ощущение её духовной родственности, принадлежности к единому византийскому кругу. Такой основополагающий взгляд русских интеллектуалов второй половины XIX в., наряду с отмеченным геополитическим фактором укрепления России в Закавказье, мог стать основой допущения проектирования православных церквей в «армяно-грузинском» стиле в эпоху распространения стиля византийского.

Первый такой опыт строительства русской церкви опережает практику создания армянских церквей в России в этом стиле. Ещё по проекту 1850 г. инженера-подполковника фон Миллера и по фасадным чертежам князя Г. Г. Гагарина [16, с. 49–51] в 1854–1860 гг. на Соборной площади в г. Темир-Хан-Шура (г. Буйнакск) была возведена церковь Святой Троицы, впечатляющая своими необычными для русских храмов формами и, вероятно, довольно органично вписывавшаяся в среду этого кавказского города (Рис. 1). Это была грандиозная постройка, высотой в 34 м, с каменными стенами, оштукатуренными и покрашенными в два цвета [16, с. 48–49]. Сам храм не сохранился и, насколько можно судить по дошедшим до нас фотографиям, он своими формами, включая силуэт пологих крыш, особенность размещения окон в купольной главе и звонницы в виде ротонды на колоннах, ориентировался на образцы средневековой армянской архитектуры. Пластика фасадного декора с высокими окнами и восходящими под карниз стройными «наложенными» арками намекает на грузинскую традицию, но при этом своеобразна присутствием арочных элементов белого цвета на фоне темной, возможно, красного цвета стены. Два проектных решения других церквей в «армянском» стиле представлены рисунками в альбомах Гагарина¹⁷. Фасады характеризуются изяществом и устремленностью ввысь, подчёркнутыми вытянутыми проёмами окон и входов, аркатурным декором и высоким барабаном (Рис. 2).

В основу всех этих проектов положен метод так называемого научно-археологического направления историзма [10, с. 75]. Суть его можно передать словами И. Е. Забелина: «необходимо избрать какой-либо один памятник или несколько, но вполне однородных... и по такому образцу возвести новое здание... необходимо проникнуться стилем каждого из этих памятников и по их образцу выстроить тот или другой проект» [12, с. 235].

¹⁶ Султанов Н. В. Русское искусство в западной оценке // Зодчий, 1880, № 1, с. 8.

¹⁷ Гагарин Г. Г. Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры. СПб., 1897. Ил. 35, 42.

Рис. 1. Собор в Темир-Хан-Шуре, 1854–1860 гг. Вид с севера. Фотография 1910–1917 гг. Воспроизводится по: <https://pastvu.com/p/251208>

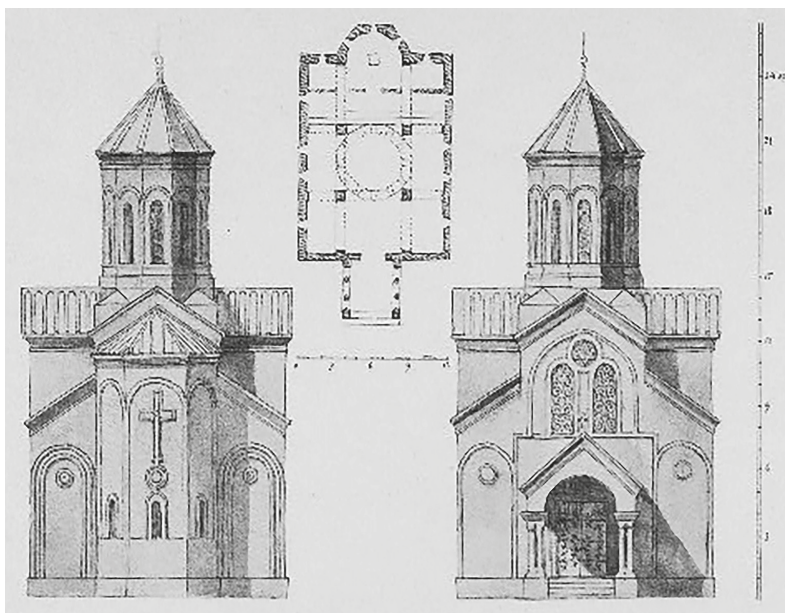

Рис. 2. План и фасады церкви, рисунок Г.Г.Гагарина. Воспроизводится по: *Гагарин Г. Собрание византийских, грузинских и древнерусских орнаментов и памятников архитектуры.* СПб.: Тип. А. Бенке, 1903. С. 35

Представление армянской и грузинской архитектуры как части византийской традиции отразилось и на создании храмов в собственно византийском стиле. Так, в одном из знаковых произведений Д. И. Гримма — Владимирском соборе в Херсонесе Таврическом (осв. в 1891 г.), — применено сочетание византийских и армяно-грузинских орнаментальных мотивов. В исследованиях приводятся и другие подобные примеры [15].

Армянские храмы второй половины XIX в. на юге России

При оценке «армянского» стиля в армянских храмах последней четверти XIX — начала XX в. необходимо учитывать социокультурную основу развития её паствы, которая не только на своих исторических землях, но даже в большей мере в центрах диаспоры, в данном случае, её российских центрах, испытывала перемены в воззрениях на образы создаваемых храмов. История церковного строительства армян на территории Российской империи со второй половины XVIII в. прошла этапы классицизма и возвращения к национальному стилю уже в эпоху эклектики [1; 21]. Подъём национального самосознания предопределил требование к возрождению национальных основ архитектуры. Так создавалась церковь св. Спасителя в Гюмри (1859–1866), специфика строительства которой заключалась в частых поездках возглавлявшего строительство мастера Т. Андикяна к развалинам древней столицы Ани, во время которых он вдохновлялся особенностями древнего кафедрального собора, обмерял его, зарисовывал детали и последовательно, творчески переносил их в архитектуру своего произведения [3, с. 175, 178–180]. Это был метод условного копирования, характерный для средневековой традиции. Однако он исключался для армянских общин европейской части России.

С достаточной долей уверенности можно вести разговор о том, что тут возрождение этой архитектуры происходило благодаря его интегрированности в развитие «армянского» стиля, переживаемого русской архитектурой. Можно предположить о пересечении чаяний ведущей прослойки армянского общества с интересами того круга российской интеллектуальной элиты, деятельность которого способствовала и изучению зодчества Армении и Грузии, и сложению «армянского» стиля Нового времени. Архитектура уже первых армянских храмов в национальном стиле соответствовала канонам профессиональной европейской архитектуры эпохи историзма и содержала стилизаторство под образы армяно-грузинской архитектуры.

В этих постройках упрощённо трактуется традиционное внутреннее устройство, как это видно по интерьеру церкви Всеспасителя в Дербенте (1868 г., арх. или организатор строительства писатель Габриэл Сундукян). Внешняя композиция так же проста, с характерными для армянской традиции формами крестовокупольной структуры, но при этом — с чертами декора из романо-готической тематики (Рис. 3).

Методика проектирования новых храмов на основе заимствования более широкого круга идей древнего зодчества вскоре проявилась в создании двух других армянских храмов в Нахичевани-на-Дону. В церкви Сурб Карапет (1875) формы внешней композиции, фасадной пластики и орнаментация восприняты из арсенала обмеров, опубликованных в отмеченном альбоме Д. И. Гримма [4, с. 179–187]. За основные образцы, комбинированные в облике церкви, были приняты фасады грузинского храма Самтависи

Рис. 3. Армянская церковь в Дербенте, 1868 г. Фотография А. Ю. Казаряна, 2020

Рис. 4. Армянская церковь Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону, 1875. Фотография А. Ю. Казаряна, 2017

(1030) и церкви Св. Григория Просветителя Тиграна Оненца в Ани (1215), и к ним были добавлены орнаменты двух других построек (Рис. 4).

Спустя пару десятилетий в селе Крым (Топты) Нижнего Дона строится церковь Аменаприкч (Всеспасителя) (1895–1902), в которой проявились черты, связанные с Сурб Карапет, но частично стилизованные в духе модерна. В то же время, отдельные детали фасадной аркатуры оказались заимствованы непосредственно из чертежей альбома Д. И. Гримма [23], роль которого в сложении «армянского» стиля особенно велика.

Обмеры из альбома могли применяться при проектировании части русских церквей в этом стиле, таких как храмы Троицы в имении Е. А. Хомяковой близ Нальчика (1895–1902, арх. С. У. Соловьёв) [15] и Св. Нины в имении Харакс в Крыму (1908–1912, арх. Н. П. Краснов), созданной, по выражению зодчего, «в старом грузинско-армянском типе» [9].

О популярности этого альбома в начале XX в. свидетельствует его использование за пределами России, причем в рамках армянских общин Восточной Европы. Начало этому, возможно, положено при проектировании апсиды армянского собора во Львове в 1902 г. [7].

И вне рамок «армянского» стиля обмеры памятников из этого альбома применялись зодчими, работавшими в византийском и русском стилях. В разработке пространственных конструкций следует, прежде всего, упомянуть деятельность В. Косякова [11, с. 65–70]. Однако роль самого Д. И. Гримма в качестве новатора в этом процессе была велика, поскольку именно он ещё в проекте 1885–1887 гг. воплотил на основе собственных обмеров гавита — усыпальницы царей в монастыре Ахпат — перекрытие на парах скрещивающихся арок великокняжеской усыпальницы в Петропавловской крепости в Петербурге, и он же преподавал архитектурное проектирование в двух основных высших учебных заведениях российской столицы [12, с. 69]. И хотя проектная деятельность и Гримма, и Косякова не затрагивала «армянского» стиля, их преподавательская деятельность в ИГИ, несомненно, способствовала развитию стиля [2].

Значительный вклад в это дело внёс конкурс на проект армянской церкви в Баку. В 1909 г. её проектирование было поручено одному из участников конкурса, выпускнику ИГИ О. Каджазуни. Хорошо изучивший наследие, он соединяет систему перекрытий на скрещивающихся арках с основой архитектурного типа тетраконха с угловыми нишами. Высокие пропорции храма, эффект «стрельчатости» проявлявшийся при перекрещивании арок, вертикальные тяги опор, напоминавшие пучки колонн, позволили условно назвать эту стилистику «армянской готикой» [19; 20, р. 236–241].

Незначительное погружение за хронологическими рамками нашего исследования вызвано желанием показать органичное продолжение развития «армянского» стиля. Разнообразие его проявлений в первые два десятилетия XX в. в Крыму, Тбилиси, Карсе — задача отдельной статьи, в которой необходимо будет учесть сопутствовавший прогресс в исследованиях архитектуры Армении, связанный с работой архитектора Тороса Тораманяна, Анийского археологического института, с изданием в 1918 г. монументального труда Йозефа Стржиговского. Большинство этих исследований зодчие не успеют воспользоваться, так как вскоре прекратится церковное строительство. Однако поиск национального стиля в Армении и Грузии, и на сей раз уже не в России, но не без

оглядки на «армянский» стиль, будет сопровождать деятельность архитекторов в рамках проектирования общественных, жилых и даже производственных сооружений.

Заключение

Заимствованный у европейцев интерес к древностям Закавказья пришёл на период расширения Российской империи, в том числе в направлении этого региона. Его христианские храмы учёными XIX в. представлялись византийскими и, соответственно, родственными древнерусской традиции. На этой основе и в рамках византийского архитектурного стиля рождается новое направление, жадно вбирающее в себя научные достижения. Сам запрос на проектирование церквей в «армянском» стиле стимулировал интерес к активному изучению и графической фиксации памятников Армении и Грузии.

В пределах второй половины XIX в. наметились две тенденции этого стиля. Первая стремилась к уподоблению крупных форм средневековым храмам региона и сочетала с ними в основном романский декор. Она нашла воплощение в армянских храмах юга России. Вторая, тесно связанная с творчеством выпускников ИАХ и ИГИ, ориентировала зодчих на воспроизведение архитектурных форм и орнаментов памятников Армении и Грузии из урважей, с комбинаторикой мотивов разных построек.

Литература

1. Баева О. В., Казарян А. Ю. Два периода церковного строительства в Нахичевани-на-Дону. Историко-культурный фон стилевых предпочтений // Архитектурное наследство. — 2018. — Вып. 69. — С. 60–70.
2. Баева О. В. Возрождение «армянского» стиля в Российской империи в эпоху историзма. Этапы, направления, идеи. // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2021. — Вып. 16 (в печати).
3. Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свобода внутри решетки (исторический центр Пюмри XIX — середины XX в.) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2017. — Вып. 9. — С. 159–192.
4. Казарян А. Ю. Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчьяна. — М.: КРАСАНД, 2011. — С. 165–191.
5. Казарян А. Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. — Т. 1. — М.: Locus Standi, 2012. — С. 40–44.
6. Казарян А. Ю. Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Международная научная конференция «Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой» (Минск, 9–11 октября 2012) / Сост., отв. ред. И. Н. Скворцова. — Минск: «Арт Дизайн», 2013. — С. 116–126.
7. Казарян А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2016. — Вып. 7. — С. 9–27.
8. Казарян А. Ю. Новые данные о куполах храмов Ани. Часть первая. Кафедральный собор зодчего Трдата // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — 2018. — Вып. 10. — С. 145–169.
9. Кирилко В. П. Харакская церковь Н. П. Краснова: рождение шедевра // История и археология Крыма. — 2015. — Вып. II. — С. 470–479.
10. Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830-х–1910-х годов. — М.: Искусство, 1982. — 399 с.
11. Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. — М.: Искусство, 1986. — 344 с.
12. Кириченко Е. И. Архитектор Василий Косяков. — М.: БуксМАрт, 2016. — 351 с.

13. Красовский М. В. Исследования по архитектуре Византии / Под науч. ред. Ю. Р. Савельева. — М.: Индикс, 2019. — 536 с.
14. Печёнкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Материалы международного симпозиума «Армения — Россия: диалог в пространстве художественной культуры», 15–16 ноября 2010 г. / Отв. ред. А. Ю. Казарян. — М.: 2010. — С. 26.
15. Печёнкин И. Е. Архитектурное наследие Закавказья глазами теоретиков и практиков эпохи историзма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 16. — 2021. (в печати).
16. Сергеев А. Ю. К истории создания церквей на территории Дагестана по проектам князя Г. Г. Гагарина // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3. — С. 43–50.
17. Хрушкова Л. Г. Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии // Вопросы всеобщей истории архитектуры. — Вып. 10. — 2018. — С. 67–103.
18. Шахазиз Е. О. Новый Нахичеван и новонахичеванцы; Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / Пер. с арм. Ш. М. Шагиняна. — Ростов-на-Дону: Книга, 2005. — 240 с.
19. Долуханян Л. К. Ованнес Каджазнуни (Հովհաննես Քաջազնունի). — Ереван: ООО Аревик-рекорд, 1997. — 75 с.
20. Тигранян Э. А. Деятельность армянских архитекторов в Закавказье. Конец XIX — начало XX века (Հայ ճարտարապետների գործունեությունը Անդրկովկասում. XIX դարի վերջ — XX դարի սկիզբ). — Ереван: Воскан Ереванци, 2000. — 263 с.
21. Baeva O., Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival // RIHA Journal 0218, 20 July 2019. DOI: 10.11588/riha.2019.0.69967
22. Foletti I., Rakitin P. From Russia with Love: The First Russian Studies on the Art of Southern Caucasus // Venezia Arti. — Vol. 27: Discovering the Art of Medieval Caucasus (1801–1945) / Eds. I. Foletti, S. Riccioni. — 2018. — P. 15–31. DOI 10.30687/VA/2385-2720/2018/27/001
23. Kazaryan A. Yu. The Church in the Village of Krym and Its Place in the Architecture of Don Armenians // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. (ICASSEE 2021). — Paris: Atlantis Press, 2021. (в печати).
24. Maranci Ch. Early European Travelers and Their Contributions to the Study of Armenian Architecture // Journal of the Society for Armenian Studies. — 1998, 1999 (2000). — Vol. 10. — P. 7–28.

Название статьи. Изучение армянской и грузинской средневековой архитектуры и его значение в словении «армянского» стиля во второй половине XIX века

Сведения об авторах. Баева Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Душинская ул., 9, Москва, Российская Федерация, 111024. olabaeva@mail.ru ORCID: 0000-0002-0808-9842

Казарян Армен Юрьевич — доктор искусствоведения, директор. Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Душинская ул., 9, Москва, Российская Федерация, 111024. armenkazaryan@yahoo.com ORCID: 0000-0002-8039-207X

Аннотация. Изучение процесса познания армянской и грузинской средневековой архитектуры в XIX в. является актуальным не только с точки зрения проблематики самой историографии. Немаловажное значение имеет оно для понимания настроения интеллектуальной элиты и творческих идей того времени. На примере ряда армянских и русских православных церквей в пределах юга европейской части Российской империи во второй половине XIX в. в статье исследуется вопрос о взаимосвязи отмеченного научного направления с одновременным архитектурным творчеством, воспевающим формы средневековых храмов Армении и Грузии. Сложение в России нового архитектурного стиля, рожденного из основ византийского и условно названного в статье «армянским», как и интерес к храмам Армении и Грузии, определялись представлениями об их принадлежности византийской архитектуре, особым характером ориентализма в России и геополитическими реалиями эпохи. Выявляется два направления этого стиля. В первом древним постройкам Закавказья уподоблены общие формы, с которыми сочетается в основном романский декор. Второе ориентировано на воспроизведение архитектурных форм и орнаментов памятников Армении и Грузии из альбомов Г. Г. Гагарина и Д. И. Гримма.

Ключевые слова: историография архитектуры Армении и Грузии, армянский стиль эпохи историзма, византийский стиль, храмы юга России

Title. The Study of Armenian and Georgian Medieval Architecture and its Significance for the “Armenian” Style’s Formation in the Second Half of the 19th Century¹⁸

Authors. Baeva, Olga Vladimirovna — Ph. D., leading researcher. Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, ul. Dushinskaya, 9, 111024 Moscow, Russian Federation. olabaeva@mail.ru ORCID: 0000-0002-0808-9842

Kazaryan, Armen Yurievich — full doctor, director. Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, ul. Dushinskaya, 9, 111024 Moscow, Russian Federation. armenkazaryan@yahoo.com ORCID: 0000-0002-8039-207X

Abstract. The study of the development of cognition of Armenian and Georgian medieval architecture in the 19th century is relevant not only from the point of view of the historiography itself. It has importance for understanding of the intellectual elite and the creative ideas of that time. On the example of a number of Armenian and Russian Orthodox churches of the south of the European part of the Russian Empire in the second half of the 19th century, the research examines the question of the relationship between the noted scientific direction and simultaneous architectural creativity, glorifying the forms of medieval churches of Armenia and Georgia. The genesis of a new architectural style in Russia, which evolved out of the Byzantine style and conditionally called “Armenian”, as well as the interest in the churches of Armenia and Georgia, have been determined by the idea of their belonging to the Byzantine architecture, by the special character of Orientalism in Russia, and the geopolitical realities of the era. Two directions of the “Armenian” style were discovered. In the first one, only general forms were likened to the ancient buildings of Transcaucasia, and they have been combined with mainly Romanesque decor. The second is focused on the reproduction of architectural forms and ornaments from the Monuments of Armenia and Georgia albums by Grigory G. Gagarin and David I. Grimm.

Keywords: historiography of architecture, Armenia and Georgia, Armenian style, historicism, Byzantine style, churches of the South of Russia

References

Baeva O. V.; Kazaryan A. Yu. Two Periods of Church Construction in Nakhichevan-on-Don. The Historical and Cultural Background of Stylistic Preferences. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2018, vol. 69, pp. 60–70 (in Russian).

Baeva O.; Kazaryan A. Armenian Church Architecture in the Town of Nakhichevan-on-Don: From Russian Neoclassicism to National Revival. *RIHA Journal*, 0218, 20 July 2019. <https://doi.org/10.11588/riha.2019.0.69967>

Baeva O. V. Revival of the “Armenian” style in the Russian Empire in the Era of Historicism. Stages, Directions, Ideas. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2021, vol. 16 (in print) (in Russian).

Dolukhanyan L. K. *Havhannes Kadjznumi*. Yerevan, Arevik-rekord Publ., 1997. 75 p. (in Armenian).

Foletti I.; Rakitin P. From Russia with Love: The First Russian Studies on the Art of Southern Caucasus. *Venezia Arti*, 2018, vol. 27: Discovering the Art of Medieval Caucasus (1801–1945), pp. 15–31. DOI: 10.30687/VA/2385-2720/2018/27/001

Ivanov A. V. Regular Vernacular — Freedom within the Grid (The Historic Center of Gyumri in the 19th — Middle 20th Centuries). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2017, vol. 9, pp. 159–192 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. Grimm’s Album (1864, 1866) and the Architectural Project of the Church of Surb Karapet in Nakhichevan-on-Don. *Arkhitekturnoe nasledstvo: Pamiati O. Kh. Khalpakhchiana (Architectural Heritage: In Memory of O. Kh. Khalpakhchian)*, Moscow, Krasand Publ., 2011, pp. 165–191 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. *Tserkovnaia arkhitektura stran Zakavkaz’ia VII veka: formirovanie i razvitie traditsii (Church Architecture Of the 7th Century in Transcaucasian Countries: Formation and Development of the Tradition)*, vol. 1. Moscow, Locus Standi Publ., 2012, pp. 40–44 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The Armenian Cathedral Architecture in Lviv. To Refine the Roots of the Church Composition and Decoration. *Mezhdunarodnaia konferentsiia “Khudozhestvennaia kul’tura armianskikh*

¹⁸ This study is based on the research, supported by the Program of Fundamental Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and of the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation — 2021, research project 1.1.1.1.

obshchin na zemliakh Rechi Pospolitoi” (International Conference “Art Culture of Armenian Communities in the Lands of Polish-Lithuanian Commonwealth”, Minsk, 9–11 October 2012). Minsk, Art Design, 2013, pp. 116–126.

Kazaryan A. Yu. Ani Archaeological Institute. Range of Activities and the Basis for Success. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2016, vol. 7, pp. 9–27 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. New Data on the Cupolas of Ani’s Churches. Part first. The Cathedral by an Architect Trdat. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2018, vol. 10, pp. 145–169 (in Russian).

Kazaryan A. Yu. The Church in the Village of Krym and Its Place in the Architecture of Don Armenians. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2021 (ICASSSEE 2021)* (in print).

Khrushkova L. G. Studies of Christian Monuments of the Caucasus and Contemporary Discussions. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2018, vol. 10, pp. 67–103 (in Russian).

Kirichenko E. I. *Russkaia arkhitektura 1830-kh — 1910-kh godov (Russian Architecture of the 1830s — 1910s)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 399 p. (in Russian).

Kirichenko E. I. *Arkhitekturnye teorii XIX veka v Rossii (Architectural Theories of the 19th Century in Russia)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 344 p. (in Russian).

Kirichenko E. I. *Architect Vasily Kosyakov*. Moscow, BooksMART Publ., 2016. 351 p. (in Russian).

Kirilko V. P. Haraksky Church of N. P. Krasnov: Masterpiece Birth. *Istoriia i arkhologiia Kryma (History and Archaeology of the Crimea)*, 2015, vol. 2, pp. 470–479 (in Russian).

Saveliev Yu. R. (ed.). *Krasovskii M. V. Issledovaniia po arkhitekture Vizantii (Studies on the Architecture of Byzantium)*. Moscow, Indrik Publ., 2019. 536 p. (in Russian).

Maranci Ch. Early European Travelers and Their Contributions to the Study of Armenian Architecture. *Journal of the Society for Armenian Studies*, 1998, 1999 (2000), vol. 10, pp. 7–28.

Pechenkin I. E. Caucasian Architectural Heritage by the Eyes of Theories and Architects of Historicism. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma “Armeniia — Rossiia: dialog v prostranstve khudozhestvennoi kul’tury” (Materials of the International Symposium “Armenia — Russia: The Dialogue in the Space of Artistic Culture”)*. Moscow, State Institute for Art Studies Publ., 2010, p. 26 (in Russian).

Pechenkin I. E. Caucasian Architectural Heritage by the Eyes of Theories and Architects of Historicism. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, 2021, vol. 16 (in print) (in Russian).

Sergeev A. Yu. On the History of the Church Construction in the Territory of Dagestan according to the Projects by G. G. Gagarin. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Dagestan State Pedagogical University Journal)*, 2011, no. 3, pp. 43–50 (in Russian).

Shahaziz E. O. *Novyi Nakhichevan i novonakhichevantsy; Monastyr’ Surb Khach Novogo Nakhichevana (New Nakhichevan and Newnakhichevansians; Monastery of Surb Khach of New Nakhichevan)*. Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2005. 240 p. (in Russian).

Tigranian E. A. *Hai tchartarapetneri gortsuneutiune Andrkovkasum. XIX dari verj — XX dari skizb (Contributions of Armenian Architects in the Transcaucasus. Near the End of the 19th Century and at the Beginning of the 20th Century)*. Yerevan, Voskan Yerevantsi Publ., 2000. 263 p. (in Armenian).